

**КАЗУС ХУДОЖНИКА-АКЦИОНИСТА ПЕТРА ПАВЛЕНСКОГО:
ПСИХОПАТОЛОГИЯ ИЛИ СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО?***

Владимир Давыдович Менделевич

*Казанский государственный медицинский университет, кафедра медицинской
и общей психологии, 420012, Казань, ул. Бутлерова, 49, e-mail: mend@tbit.ru*

Реферат. В статье с позиции современной психиатрии анализируется психическое состояние и поведение художника Петра Павленского во время художественно-политических акций, вызвавших широкий общественный резонанс и послуживших основанием для проведения судебно-психиатрических экспертиз. Оценивается насколько данное поведение является отражением психопатологии. Приводятся результаты собственного клинико-психопатологического обследования испытуемого. Констатируется, что диагностирование психиатрами у Павленского психического расстройства в форме личностного расстройства является необоснованным. Данный случай позволяет привлечь внимание специалистов к проблеме выработки четких критериев дифференциации поведенческих расстройств и девиаций поведения. Особо актуальным данный вопрос становится при оценке психического здоровья лиц, проявляющий политическую активность, и деятелей современного искусства.

Ключевые слова: психопатология, поведенческие расстройства, диагностика, Петр Павленский, акционизм, постмодернизм, современное искусство.

ENIGMA OF PERFORMANCE ARTIST PETR PAVLENSKY:
PSYCHOPATHOLOGY OR MODERN ART?

Vladimir D. Mendelevich

Kazan State Medical University, Department of Medical
and General psychology, 420012, Kazan, Butlerov St., 49,
e-mail: mend@tbit.ru

In the article the behavior of the performance artist Petr Pavlensky during political actions is analyzed from a position of modern psychiatry. This behavior is estimated as reflection of psychopathology. Results of own psychopathological investigation are given. It is noted that diagnosing of Pavlensky of personal disorder by psychiatrists is unreasonable. This case allows drawing attention of experts to a problem of development of more accurate criteria of differentiation of behavioral disorders and deviations of behavior. Especially actual the matter becomes at an assessment of mental health of persons, showing political activity, and persons of the modern art.

Keywords: psychopathology, behavioral disorders, diagnostics, Petr Pavlensky, performance, postmodernism, modern art.

Современная мировая психиатрия столкнулась с новым вызовом – постмодернистской реальностью, когда толерантное отношение к «инаковости» и плюралистичность позволяют признавать нормой широкий спектр индивидуальных стилей жизни и поступков какими бы они «чуждаковатыми» ни казались. Границы нормативного поведения расширились, сместившись в сферу девиаций и психической патологии. Постмодернизм поставил под сомнение объективность понятия адекватности поведения, заменив его девизом «На Ваше усмотрение» и предоставив человеку самостоятельно определять норму и ненорму [32]. Стали распространяться необычные для традиционной культуры формы социального поведения – «эпатаж», «жизнь по приколу», «шизо-культура». Для данного феномена появилось даже новое название – «метанормативное поведение» [10]. Утверждается, что будучи «антинормативным (антистереотипным), оно не антиобщественно» и нередко оказывается востребованным как любая иная игровая деятельность. По мнению В. Руднева, основной характеристикой нового феномена стала «актуализация шизотипического (аутистического) начала в культуре» [41].

В новых социокультурных условиях остро встал вопрос о критериях диагностики психических расстройств. Короленко Ц.П. и Дмитриева Н.В. [19] обратили внимание на то, что «в постмодернистском обществе, в противоположность предшествующим ему традиционному и современному, наблюдается отчетливая тенденция к учащению ранее редко встречав-

*Автору дано письменное разрешение П. Павленского (от 15.03.2015) на использование его медицинской документации (результатов психиатрического обследования, заключений судебно-психиатрических экспертиз, справок и др.) в научных и учебных целях.

шихся нарушений, наряду с появлением новых, не выделявшихся в прошлом форм. [При этом] серьезной... проблемой... становится увеличение количества лиц, индивидуально-психологические особенности которых, хотя и не настолько выражены, чтобы формально определяться термином «психическое расстройство», но, тем не менее, предрасполагают к возникновению межличностных конфликтов, кризисов и адаптационных затруднений».

В такой обстановке классические принципы диагностики психических и, особенно, поведенческих расстройств, вошли в противоречие с новыми требованиями общественной жизни [4, 6, 7, 28–30, 53, 54, 57, 58]. Возникла необходимость пересмотра базовых основ диагностики с сужением круга патологических явлений. Однако психиатрия выбрала другой алгоритм развития – в классификации психических и поведенческих расстройств стали включаться всё новые и новые «болезни» (расстройства), например, такие как «патологическое накопительство» (хординг) [32]. Расширение числа классифицируемых форм происходит сегодня в основном за счет поведенческой и аддиктивной патологии, путем признания расстройствами как девиантных, так и метанормативных форм поведения.

Этот процесс был назван «психиатризацией (психопатологизацией)» обыденной жизни [29, 42]. В медицинской антропологии и социологии он обозначается термином «медикализация» [55, 56]. Под медикализацией понимают процесс, при котором состояние или поведение человека рассматривается как медицинская проблема, требующая соответствующего решения [2, 14, 26, 34]. Речь, по мнению В.Л. Лехциер [23], идет о медикализации широкого круга областей – повседневности, детства, сексуальности, тела, смерти, нормы, страдания, медиадискурса и т.д. Всё начинает рассматриваться сквозь призму диагноза и необходимости лечения. «Можно сказать, что медикализация – это процесс патологизации общества, производства пациентского самосознания» [23].

Следует признать, что многие аргументы ученых, отмечающих углубление тенденции медикализации обыденной жизни и критикующих психопатологизацию, носят аргументированный и разумный характер. Ведь данный процесс сказывается как на результатах каждодневной клинической практики психиатров, так и на обоснованности заключений судебно-психи-

атрических экспертиз, переводя тему *медикализации (психопатологизации) из академической в сферу с опасными для «пациентов» социальными последствиями.*

Особые диагностические сложности возникают у психиатров в случаях оценки психического состояния и поведения людей творческих профессий. В этом отношении дискуссионным представляется **случай художника-акциониста Петра Павленского**, совершившего в течение последних лет несколько «художественных акций» (перформансов), вызвавших широкий общественный резонанс и послуживших основанием для назначения судебно-психиатрических экспертиз. Во время акций он, находясь обычно в обнаженном виде, иногда с использованием членовредительства (прибивания гвоздем мошонки к мостовой, отрезания мочки уха или зашивания рта), в метафорической форме демонстрировал «протест против несправедливого государства, попирающего свободу творческой личности».

По мнению коллег (ведущих искусствоведов, художников, писателей, журналистов), П. Павленский является талантливым художником, «Репиным нашего сегодня», а его акции следует трактовать как разновидность авангардного искусства [11, 18, 49, 50]. С точки зрения государства, обывателей и следствия Павленский – это хулиган, экстремист или психически больной [18, 25, 45, 46, 49]. А.В. Скиперских [47], изучавший опыты протестного дискурса в современной России, указывает, что поведение Павленского следует рассматривать как политический перформанс, который «представляет собой своеобразный ответ на действия власти не в рамках существующих институтов, не через созданные для этого механизмы, а непосредственно». Другими исследователями творчества П. Павленского обращается внимание на то, что он «сознательно не связывается ни с какими политическими силами или капиталами, живя в абсолютной свободе и такой же бедности. Художник равноудалён от... большей части новых великих художников, застревающих в «узких кругах» и приятных компаниях себе подобных, поддающихся соблазнам коммерческого искусства или уходу в прямое политическое действие... Его [Павленского] знают, его акции обсуждают и, даже когда воспринимают их как выходку нелепого придурка, интуитивно понимают (или хотя бы переживают)» [33]. С точки зрения М. Илюхина

[17] всё же крайне сложно установить различия между политическим активизмом, результаты которого показывают на выставках, и искусством, когда предметом внимания становится современная политика.

Сутью художественного творчества П. Павленского является совершение акций, когда «в холст превращаются улицы и площади, зрительный зал и сцена смешиваются, зрители принимают участие в действии, сами того не понимая» [35]. При этом в соответствии с художественным замыслом акции документируются на видео или фото и впоследствии демонстрируются. Искусствоведы считают перформансы П. Павленского неравнозначными по художественной ценности.

За последние годы П. Павленский совершил несколько акций, названных им «Шов», «Туша», «Фиксация», «Свобода», «Отделение», «Угроза». В рамках акции «Шов» (2012), Павленский, зашив себе рот суровой ниткой, в течение полутора часов простоял в одиночном пикете у Казанского собора в Санкт-Петербурге, держа в руках плакат с надписью: «Акция Pussy Riot была переигрыванием знаменитой акции Иисуса Христа». «Защитый рот стал моей личной трансгрессией, – рассказал П. Павленский [11]. Процесс Pussy Riot меня очень сильно затронул. Я его рассматривал как удар по искусству и ожидал, что художники ответят достойно. Но были только разговоры. А рот я зашил потому, что процесс над Pussy Riot – это было требование заткнуться... Было любопытно построить какую-то конструкцию на территории власти, которая бы ей не нравилась, но при этом власть не знала бы, что с тобой делать. Я стал развивать эту тему, старался с помощью минимума средств, используя тело, *создать какую-то метафору*. Я дошел до такого состояния, когда стал испытывать страх того, что если не сделаю, если не отвечу происходящему, то не смогу остаться личностью, не смогу потом вообще ничего. В жизни я себя так не веду, я спокойный человек».

Художественная акция «Туша» (2013) проходила у здания Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Ассистенты принесли нагого, завернутого в многослойный «кокон» из колючей проволоки Павленского ко входу, где он безмолвно и неподвижно лежал, не реагируя на реплики и действия окружающих. Сотрудники полиции освободили его от проволоки при помощи садовых ножниц. Сторонники художника заявили, что «акция символизирует существование чело-

века в репрессивной законодательной системе, где любое движение вызывает жестокую реакцию закона, впивающегося в тело индивида. Это метафора животной покорности, «выученной беспомощности» человека в загоне государственной машины». Соратница и гражданская жена Петра, Оксана Шалыгина, отметила, что метафора акции мгновенно и непосредственно была воплощена в реальности: «Как только проволоку разрезали и извлекли из неё художника, эта самая проволока впилась в него в виде сотрудников полиции, скорой помощи и многочисленных оперативников» [13].

Наиболее нашумевшая акция «Фиксация» (2013) была проведена Павленским на Красной Площади у стен Кремля. Павленский, находясь в обнаженном виде, прибил свою мошонку гвоздём к каменной брусчатке. Сам он объяснил акцию так: «Голый художник, смотрящий на свои прибитые к кремлёвской брусчатке яйца, – метафора апатии, политической индифферентности и фатализма современного российского общества».

Акция «Свобода» (2014) была организована на Мало-Конюшенном мосту Санкт-Петербурга и отражала «реконструкцию киевского Майдана». П. Павленский с коллегами подожгли автомобильные покрышки и стали колотить палками по металлическим листам, «создавая характерное для киевского Майдана звучание». Акция, со слов организаторов, была высказыванием о политике коллективного освобождения.

Акция «Отделение» (2014) была проведена на заборе института социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, когда П. Павленский отрезал себе часть мочки уха. Художник объяснил эту акцию так: «Нож отделяет мочку уха от тела. Бетонная стена психиатрии отделяет общество разумных от безумных больных. Возвращая использование психиатрии в политических целях, полицейский аппарат возвращает себе власть определять порог между разумом и безумием. Вооружаясь психиатрическими диагнозами, бюрократ в белом халате отрезает от общества те куски, которые мешают ему установить монолитный диктат единой для всех и обязательной для каждого нормы» [38].

Акция «Угроза» (2015) была проведена П. Павленским у входа в здание ФСБ на Лубянской площади в Москве, когда он поджег дверь и со смиренным видом встал впереди горящих дверей с канистрой в руках в ожидании собственного задержания. Суть действия художник объяснил

так: «Горящая дверь Лубянки - это перчатка, которую общество бросает в лицо террористической угрозе... Страх превращает свободных людей в слипшуюся массу разрозненных тел. Угроза неизбежной расправы нависает над каждым, кто находится в пределах досягаемости для устройств наружного наблюдения, прослушивания разговоров и границ паспортного контроля» [38].

В рамках современного искусства подобные акции относятся к проявлениям перформанса – формы искусства, в которой произведение составляют действия художника или группы в определенном месте и в определенное время. Традиционно к перформансу относят любую ситуацию, включающую четыре базовых элемента: время, место, тело художника и взаимодействие художника и зрителя. В этом заключается отличие перформанса от таких форм изобразительного искусства, как картина или скульптура, где произведение определяется выставленным объектом [9, 45]. Иногда перформанс характеризуют как «Художник вместо произведения». Исследователь современного искусства Г. Преображенский так описал акцию «Угроза»: «Перцепт довольно ясный: фронтальная экспозиция, темнота, плавающая рама картины, некоторая новая зона в привычном, ниша, или как говорил Хайдеггер «разлом» картины, трещина посреди мира. И это не столько даже рама, сколько изображение самого искусства, современное искусство как пламя, огненная картина и автопортрет художника на фоне сущностного (огненного) изображения современного искусства, а художник с канистрой как поджигатель-творец... Если у Малевича квадрат – абсолютизация картины как картины, то здесь символическое выражение сути современного искусства... [У Павленского] всё происходившее может быть названо «автопортрет художника на фоне современного искусства» [40].

П. Павленский, причисляя свои акции к формам современного искусства, объяснял, что «произошла демократизация искусства, и это привело к тому, что многие формы искусства, например, классическая живопись, стали неактуальными. Художники начали искать новые формы для выражения» [12]. А акционизм – это «попытка художника обозначить границу между традиционным искусством и общественной жизнью... любое произведение искусства, в том числе и классическое, требует объяснений. Даже если вы придете в Лувр и увидите какие-нибудь живописные работы мастеров Средневековья, вы будете удивлены тем,

сколько неожиданного расскажет вам грамотный специалист. Может быть, даже обнаружите, что совершенно неправильно понимали картину».

Сходного взгляда придерживается известный искусствовед О. Свиблова, утверждая, что «Искусство – это символический объект и ничего больше. Вот в угол повесили «Джоконду» – и не знаем, что она «Джоконда», и пошли мимо... Каждый видит в искусстве только то, что он способен увидеть. Это отражение нашего внутреннего мира» [43]. Д. Драгунский [16], высоко оценивая художественность акций П. Павленского, утверждает, что «искусство – это не только «похоже и красиво». Это еще «и больно, и противно». Искусство – это всегда, даже в самые благопристойные времена, – немножко шок».

В. Нестеренко [35] задался вопросом о том, *чем отличается современный акционизм как вид искусства от хулиганства, революции, восстания и погрома*. По его словам «граница между искусством и хулиганством пролегает в области чужого носа. Если художник размахивает руками в опасной близости от чужого носа, то это все же провокация. Как только нанесен первый удар и пошла чья-то кровь – искусство заканчивается». Сам Павленский неоднократно заявлял, что «во всех акциях, которые [он] проводил, не было ни одной жертвы, только [он] сам, если это слово здесь вообще употребимо» [15].

Акцию «Угроза» прокомментировали многие, например, глава Московской Хельсинской группы, правозащитница Л. Алексеева высказалась так: «Я категорически осуждаю его акцию. Если это перформанс, то это идиотский перформанс. Представляете, начался бы пожар, а внутри люди, они не смогли бы выйти, у них семьи и дети. Если бы люди сгорели, это как? Сначала все-таки его – к медикам. Нормальному человеку такой перформанс в голову не придет» [21]. По мнению Э. Лимонова: «Павленский – это наследник Герострата и Малевича... Он много раз нарывался и наконец-то у него это получилось... Я смотрю на это как на определенный выброс извращения искусства. Это, несомненно, сделано в русле перформансов. Если он раньше калечил себя, то сейчас он вдруг обратился против государства... Мотивы его поведения исключительно политические, и он должен быть судим как диверсант иностранного государства...» [2, 24].

Необходимость проведения судебно-психиатрической экспертизы П. Павленскому была обоснована, с одной стороны, декларированной

следствием неадекватностью его поведения, с другой стороны, имевшейся информацией о том, что П. Павленский ранее наблюдался у психиатров и проходил лечение в психиатрическом стационаре. К тому же следствие отказывалось рассматривать акции Павленского как проявления современного искусства, а эксперты разошлись во мнениях. Вот отрывок из разговора следователя с П. Павленским [15]:

Следователь: Я... против искусства ничего не имею. И государство наше против искусства ничего не имеет. Это не 80-е годы. И не Советский Союз. Но вы должны разграничивать искусство и совершение противоправных действий.

Павленский: На самом деле нет границы, противоправные действия – это риторика, в которую пробуют облечь искусство.

Следователь: Да бросьте вы про искусство, тем более политическое. Давайте не будем хорошее искусство мешать с дерьмом.

Павленский: Что вы понимаете под искусством?

Следователь: Искусство как часть жизни.

Павленский: Искусство – это визуальные коды, вот с чем мы и работаем ...

Следователь: Этот акт [акцию] как искусство расценивать можете только вы, все остальные люди расценивают это как акт не искусства, а вандализма.

Павленский: Об этом надо еще спросить этих остальных людей, есть много людей, много мнений... СМИ уже все сошлись на мнении, что это произведение искусства. Это контекстуализация, перенос контекста в информационном и символическом поле.

Мнение общественности о психическом здоровье П. Павленского выразил депутат В. Милонов: «Ему [Павленскому] лечиться надо, а не выставляться на показ. Государство просто обязано обеспечить ему надёжный уход, поскольку его действия демонстрируют, что он опасен. Он сам себе наносит вред: уши себе отрезает, завтра голову отрежет. Это просто рецидив суицидального синдрома или паранойи... Те психиатры, которые отказываются признавать его невменяемым, которые дышат модными веяниями, они сами, наверное, уже заразились. У психиатров такое бывает, что они сами себя странно ведут» [51]. Согласился с этим мнением и министр культуры РФ В. Мединский, порекомендовавший за информацией о Павленском обращаться в музей истории медицины и психиатрии.

Клиническое обследование Павленского Петра Андреевича 1984 года рождения*.

История жизни и болезни испытуемого Павленского П.А. (со слов родственников и испытуемого). Раннее развитие без особенностей. В школу пошел своевременно, успеваемость была хорошей, занимался спортом (легкой атлетикой). В старших классах школы потерял интерес к занятиям, прогуливал уроки, отмечалась конфликтность с учителями. Сменил две школы. Окончил 9 классов, затем 11 класс вечерней школы. С 16-летнего возраста – эпизодическое употребление разных психоактивных веществ (анаша, кокаин, ЛСД, «грибы»). Героин употреблял в течение двух лет. Со слов П. Павленского «хотел перепробовать все наркотики». В дальнейшем (с 2002 года) полностью отказался от употребления наркотиков и более не возобновлял – «закончился опыт наркотический, начался образовательный». Подрабатывал по рабочим специальностям. В армии не служил.

Отношения с родителями П. Павленский характеризует так: «У меня с родителями никогда не было близкого контакта. Я был самостоятельным ребенком. Лет до семнадцати тусовался на улице, по выходным ходил в рейв-клубы..., часто попадал во всякие неприятные истории, пока не понял, что оставаться во всем этом дальше нет смысла, нужно формировать себя. Мать тогда работала медсестрой [в психиатрической больнице], сейчас она на пенсии. К моим увлечениям она всегда относилась нейтрально, на темы моих акций мы не общаемся вообще. А вот отец повлиял на то, чем я занимаюсь, напрямую. Он был обычным советским гражданином, со всеми вытекающими: никуда не лез, не высывался, по максимуму хотел сохранить комфортные отношения с государством. Работал старшим научным сотрудником НИИ, а когда началась перестройка – воспринял её как данность. Главным для него было нахождение в состоянии покоя, в безопасных условиях, он ни в чём не хотел преодолевать себя. В итоге это привело к тому, что он стал алкоголиком и в 49 лет умер, подавившись куском сырого мяса. Я ему за это благодарен, на самом деле. Можно сказать, что он пожертвовал собой ради того, чтобы показать мне, как жить

*Было проведено нами 8 октября 2014 года с использованием интернет-коммуникации посредством системы Skype с устного информированного согласия испытуемого, находившегося в момент обследования в г. Санкт-Петербург.

нельзя. Для меня он – воплощение человеческой слабости. Я часто думаю о том, как поступил бы он, и делаю ровно наоборот» [20].

В поле зрения психиатров П. Павленский попал в возрасте 18 лет (в 2002 году), когда по собственному желанию обратился в психоневрологический диспансер г. Санкт-Петербурга и проходил стационарное обследование и лечение. При поступлении жаловался на эмоциональную неустойчивость, возбудимость, раздражительность, нарушения сна, устрашающие сновидения. Связывал плохое психическое состояние с последствиями употребления наркотиков. Психотических расстройств и суицидальных мыслей не обнаруживал. В отделении в первые дни конфликтовал с больными, раздражался на замечания медицинского персонала. В последующем стал спокойнее, настроение выровнялось, наладился сон. Находился в стационаре в течение месяца. Был выставлен диагноз: «эмоционально-неустойчивое расстройство личности, в анамнезе полинаркомания». После выписки из стационара было рекомендовано амбулаторное наблюдение, была заведена амбулаторная карта больного. Однако на диспансерном учете не состоял и не состоит.

В 2004 году поступил в Художественную академию на факультет программного дизайна, через два года перейдя на факультет монументальной живописи. Параллельно обучался в школе современного искусства. Будучи на 5 курсе обучение в академии прервал. Объяснил это тем, что даже написание дипломной (выпускной) работы в вузах, готовящих скульпторов, художников и других представителей мира искусства, противоречит его взглядам на возможность стать настоящим художником. С того времени стал заниматься чтением лекций и проведением семинаров по современному искусству. По приглашению выступал с лекциями в России и зарубежом.

В официальном браке не состоит, проживает совместно со своей гражданской женой (Оксаной Шалыгиной) и двумя несовершеннолетними детьми. Со слов матери и жены «очень любит дочерей, занимается их воспитанием», характеризуется соседями и родственниками с положительной стороны. Окружающие описывают его как «тихого, спокойного, вежливого, неконфликтного». Не курит, не употребляет алкоголь. Придерживается вегетарианской диеты (вместе с женой и детьми). В квартире, в которой проживает семья П. Павленского, практически отсутствует мебель и занавески на окнах. Члены семьи

спят на полу, стены обшарпаны, отсутствует душ [36]. При этом квартира не выглядит запущенной или грязной.

Гражданская жена П. Павленского Оксана Шалыгина называет себя его соратницей. При этом сам институт брака и она, и Павленский отрицают, как и стабильные моногамные отношения, в целом. Художник и его соратница, по ее словам, встречаются и с другими партнерами для секса. [13]: «Не может быть отношений, основанных только на сексе, – это неинтересно, непродуктивно и тормозит работу. А если мы разделяем идеи, если человек наш друг – он может войти в наш близкий круг. Мы не используем понятие «семья», потому что это социально-политический конструкт, который подразумевает собственничество и отказ от свободы воли. Мы говорим «близкий круг». Несмотря на свободные отношения в паре, «ревность окончательно изжить не удалось, хотя задача цивилизованного человека – держать ее под контролем... Сам по себе секс с другим партнером не является [для нас] чем-то предосудительным, в отношениях важно доверие, а вот обман или сокрытие правды – это предательство». Когда измена со стороны О. Шалыгиной произошла и она не смогла признаться в этом, то решила добровольно себя наказать, отрубив две фаланги мизинца: «Я назначила себе такую цену за нарушенное слово... Потом рассказала Петру. Он согласился. Так, связь между действием и словом была восстановлена» [13, 36].

Воспитанием детей родители занимаются поровну, «в зависимости от того, кому в тот или иной момент легче освободиться для других дел». Дети в школу не ходят, поскольку родители посчитали это нецелесообразным. Обосновывая это, О. Шалыгина сообщила, что сама не знает таблицу умножения, очень плохо знает географию, биологию, химию, физику, математику – «кроме ненависти к школе я ничего не вынесла. Единственно, что мне нравилось – это литература и история, так я начала активно читать... Это [школа] – загубленное время» [36]. П. Павленский объясняет нежелание отдавать детей в школу тем, что в школе детей принуждают носить школьную форму, «всех унифицируют по брюкам и юбкам одинакового цвета. Это - верный признак напозающего тоталитаризма» [5, 38].

О. Шалыгина является главным редактором журнала «Политическая пропаганда», где совместно с П. Павленским изучает феномен «политического искусства». Оксана также как

муж организует собственные художественные акции. Наиболее известна акция «Бомбастика»*, проведенная ей на открытии выставки З. Церетели в 2014 году. Об акции Оксана сообщила следующее: «Новая книга [выпущенная их журналом] была представлена миру единственно соответствующим ситуации способом, а именно – извлечена из влагалища и втиснута в дряблые руки дочери главного приспособленца и самого продажного художника страны Зураба Церетели» [13].

В течение десяти лет (начиная с 2002 года) П. Павленский к психиатрам не обращался. Обращение в психоневрологический диспансер (ПНД) в марте 2013 года было связано с жалобами на тревожность, подавленность, нарушения сна, снижение аппетита, чувства внутреннего напряжения, слабость, появившиеся в 2011 году и связанные, со слов пациента, с прохождением лечения от гепатита С. В ПНД было назначено лечение (не может вспомнить названия препаратов).

В июле 2012 года после проведения первой акции («Шов») был освидетельствован психиатром, который в своем заключении отметил, что пациент «ориентирован верно. Без бреда и обманов чувств. Без агрессивных и суицидальных тенденций. Аутоагрессия была демонстративной. Диагноз: психически здоров».

После проведения акции «Туша» (май 2013 года) был консультирован врачом дежурной психиатрической бригады. В связи с тем, что психиатры оценили состояние П. Павленского как «представляющее непосредственную опасность» для пациента, был помещен в клинику-диагностическую палату психиатрической больницы, где находился несколько часов. После консультации психиатра был выписан с рекомендациями на амбулаторное лечение.

В ноябре 2013 года после совершения акции «Фиксация» в очередной раз был обследован психиатрами. Психическое состояние Павленского в приемном покое городской больницы

№1 г. Москвы психиатр описал так: «собрать анамнез затруднительно, погружен в бредовые переживания», «протестовал против засилья полиции», «считал себя художником», заявил, что «совершил акт художественного творчества». Был установлен диагноз: «эмоционально-неустойчивое расстройство личности». Затем П. Павленскому была проведена амбулаторная комплексная судебно-психиатрическая экспертиза в психиатрической клинической больнице им. Н.А. Алексеева, в рамках которой было отмечено, что подэкспертный «ориентирован в месте, времени и собственной личности. Демонстративен. Психотической симптоматики (бреда, галлюцинаций) нет. Критические и прогностические способности не нарушены». Эксперт-психолог указал, что у подэкспертного «мнестические процессы сохранены. Логические зависимости устанавливает верно». На основании исследования эксперты пришли к заключению о том, что «Павленский П.А. каким-либо психическим расстройством и слабоумием не страдает, обнаруживает признаки смешанного расстройства личности», «в период, относящийся к инкриминируемому ему деянию временного психического расстройства либо иного болезненного состояния психики не обнаруживал, мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими». Был сделан вывод о том, что в принудительных мерах медицинского характера в соответствии со ст. 97, 99 УК РФ не нуждается.

После акции «Свобода» (февраль 2014 года) следственные органы ходатайствовали о проведении стационарной судебно-психиатрической экспертизы, которая назначена не была. В том же году (октябрь 2014 года) после совершения акции «Отделение» в связи с «аутоагрессивным поведением» (травматической ампутацией мочки правой ушной раковины) был трижды консультирован психиатрами, выставившими противоречащие друг другу диагнозы: «острое психическое расстройство, неуточненное», «острое полиморфное психотическое расстройство с аутоагрессивным поведением» (с рекомендацией назначения галоперидола и аминазина) и «самоповреждение... с демонстративной целью».

Психическое состояние испытуемого на момент обследования (8 октября 2014 года). В контакт вступает охотно. В беседе приветлив, учтив, деликатен. Спокоен, эмоционально синтонен. Открыто и заинтересованно обсуждает

*«Бомбастика» повесть Александра Бренера и Барбосы Фамозы, в которой главная героиня - сорвиголова, хулиганка, волшебница - щекочет неповоротливую буржуазную Европу, доставая из исполинского влагалища всевозможные орудия труда и обороны; там прячется даже верблюд, привезенный из Самарканда. Когда Бомбастике удастся отбиться от агентов всемирной машины подавления, она читает лекции зрителям, сбежавшим из зала, где продолжается скучнейший всемирный спектакль [Д. Волчек, Поэт, боксер, хулиган. <http://www.svoboda.mobi/a/26600501.html>].

вопросы, связанные с совершением им «актов художественного творчества» (инкриминуемых ему деяний). На вопрос о мотивах своего поступка на Красной площади (акция «Фиксация») и его связи с доминирующим мировоззрением подробно описывает культурологические и художественные истоки сходных поступков других творческих людей. Рассказывает об авангардистских течениях современного искусства (перформансе, дадизме, акционизме и других). Подчеркивает, что имеет соратников и коллег, разделяющих его взгляды на современное искусство. При этом отмечает, что принципиально значимой для него как для личности является цель данной разновидности искусства – противостояние и борьба с различными стандартами, несвободой, ограничениями, стереотипами. При обсуждении этих тем говорит эмоционально, но без экзальтации и позерства. Признаков демонстративности также не обнаруживает. Отмечается повышенная чувствительность к вопросам справедливости и свободы.

Убежден, что своей акцией на Красной площади (как и другими акциями) достиг желаемого результата – привлечения внимания общественности к теме несвободы личности. Гордится тем, что смог осуществить свой план, всё продумать, обойти все препятствия. Объяснил, что форму акции взял из уголовной среды («на зоне нередко заключенные прибивают мошонку к нарам, демонстрируя таким образом протест против произвола начальства»), а смысл, который он вкладывал в акцию, должен был продемонстрировать простым людям, что «мы все живем в глобальной зоне». Каких-либо политических предпочтений не высказывает.

В беседе проявляет высокий интеллект и уровень знаний. Мышление логичное, последовательное, без признаков соскальзывания, резонерства или разорванности. Внимание привлекается и удерживается в норме. Память на текущие и прошедшие события сохранена. Признаков астении не отмечается.

На вопрос считает ли он себя психически больным ответил отрицательно. При этом высказал мысль о том, что не раз размышлял о том, что такое психическое заболевание и знает людей, которые нуждались в психиатрической помощи. Сообщил, что его основной задачей при совершении акции «Отделение» (на заборе института им. В.П. Сербского) была поставка вопроса об объективности психиатрии как таковой:

«Я отрезал мочку уха как Ван Гог. После этого он был объявлен сумасшедшим и началась травля. Я думаю, что это повлияло на его решение о самоубийстве... Есть очень показательный исторический пример. В США в XIX веке были такие диагнозы как драпетомания и дизестезия*. Психиатры изучали беглых рабов и находили, что стремление бежать из рабства - это психическое расстройство и называлось оно драпетомания. А стремление рабов разрушать продукт собственного труда называли дизестезией... Где психиатрия? Нет её. Это псевдонаучное объяснение изоляции. Ну нужно изолировать человека, чтобы он не перерезал всех, и его изолируют. А в том виде, в котором она существует, это просто подкладка под режим...».

Не считает себя дезадаптированным человеком, указывая на то, что в быту и со своими близкими бесконфликтен. Активной психопатологической продукции (брёда, галлюцинаций и др.) не выявляется.

Выводы по клинико-психопатологическому исследованию Павленского П.А. и обсуждение. В процессе обследования Павленского П.А. не обнаружилось признаков нарушения познавательных процессов (расстройств мышления, восприятия, памяти, внимания, интеллекта) и расстройств аффективной сферы. Выявлены особенности поведения, приводившие его на протяжении жизни и в инкриминируемые периоды к эпатажному поведению, которое расценивалось правоохранительными органами как нарушение общественного порядка.

Вопрос о том, носило ли поведение П. Павленского в периоды совершения «акций» нормативный или патологический характер, является крайне неоднозначным и дискуссионным. Мнения психиатрической общественности разделились. Так, «психиатр-криминалист» М. Виноградов [52] утверждает, что «речь может идти о психопатоподобной вялотекущей шизофрении, которая время от времени даёт всплески неадекватного поведения... Такие люди, как Павленский, опасны для общества, потому что однажды они могут перейти грань и совершить действия, которые причинят вред окружающим – напасть на кого-то или создать ситуацию, при которой может произойти катастрофа, автомобильная или какая угодно другая. Все его действия больше говорят о

*См. подробнее Hickling F.W. The Political Misuse of Psychiatry: An African-Caribbean Perspective // J Am Acad Psychiatry Law. 2002. vol. 30, № 1. p. 112–119.

том, что он нездоров». «Православный психиатр» Д. Авдеев [37] констатирует, что «глубокое уродство души далеко не всегда есть следствие тяжелого психического заболевания, например, шизофрении. Это может быть, и скорее всего, является патологией личности... Раньше о психопатиях говорили как о «нравственном помешательстве», «душевной порочности», «моральном уродстве»... Конечно, это душевное заболевание, но заболевание особого рода. Павленский болен уродством души».

Выставлявшийся у П. Павленского психиатрами (в том числе, судебными) диагноз эмоционально-неустойчивое расстройство личности (F60.3) требует обоснования и научной аргументации. Известно, что для его диагностики необходимо обнаружение в клинической картине следующих критериев [27]: 1) ярко выраженная тенденция действовать импульсивно, без учета последствий, наряду с неустойчивостью настроения; 2) сниженная способность планирования; 3) вспышки интенсивного гневливого аффекта часто приводят к насилию, либо «поведенческим взрывам», они легко провоцируются, когда импульсивные акты осуждаются окружающими, либо им препятствуют. Выделяются две разновидности этого личностного расстройства, и при обеих присутствует общая основа импульсивности и отсутствия самоконтроля.

Сравнение особенностей поведения П. Павленского с диагностическими критериями эмоционально-неустойчивого личностного расстройства показывает, что они не совпадают ни по одному пункту. П. Павленский всегда тщательно планировал свои акции, заранее всё продумывал – «акции «собирались» по несколько месяцев: в голове копились впечатления, которые однажды складывались в простое и лаконичное действие» [33]. К акции «Фиксация» он готовился особенно долго и скрупулезно, тренировался с секундомером, изучал в интернете анатомические схемы, готовил инструменты (точил, подпиливал, дезинфицировал).

Таким образом, нет оснований говорить о наличии у П. Павленского признаков импульсивности, тем более, что в обычной жизни он характеризуется как спокойный, тихий и уравновешенный человек, несклонный к агрессии, эпатажу или демонстративности. Нельзя также говорить о неспособности планировать и учитывать последствия своих действий. Павленский прекрасно понимал, к чему могут привести его

художественные акции и после их совершения ждал задержания полицией. Он ради воплощения в жизнь своих художественных замыслов был даже готов оказаться за решеткой.

Если оценивать особенности «патологичности» поведения П. Павленского по основополагающим диагностическим критериям личностных расстройств по МКБ-10, то обнаружится, что и по ним нет никаких оснований диагностировать какое-либо поведенческое расстройство*. Так, у П. Павленского отсутствуют:

а) заметная дисгармония в личностных позициях и поведении, вовлекающая обычно несколько сфер функционирования (аффективность, возбудимость, контроль побуждений, процессы восприятия и мышления, стиль отношения к другим людям);

б) хронический характер аномального стиля поведения, возникшего давно и не ограничивающегося эпизодами психической болезни;

в) аномальный стиль поведения является всеобъемлющим и отчетливо нарушающим адаптацию к широкому диапазону личностных и социальных ситуаций;

г) вышеупомянутые проявления всегда возникают в детстве или подростковом возрасте и продолжают свое существование в периоде зрелости;

д) расстройство приводит к значительному личностному дистрессу, но это может стать очевидным только на поздних этапах течения времени;

е) обычно, но не всегда, расстройство сопровождается существенным ухудшением профессиональной и социальной продуктивности.

Таким образом, *клиническое исследование П. Павленского и анализ его «неадекватного» поведения по материалам судебно-психиатрических экспертиз и объективного анамнеза, позволяют утверждать, что нет никаких оснований для диагностики у него каких-либо психических и/или поведенческих расстройств.* Своеобразие поведения П. Павленского с элементами членовредительства и сексуальной провокативности не должно рассматриваться исключительно сквозь призму психиатрии. Данному феномену может

*П. Павленскому помимо диагноза «эмоционально неустойчивое расстройство личности» выставлялся диагноз «смешанное расстройство личности», который нередко используется судебными психиатрами для характеристики поведенческих особенностей представителей современного искусства (арт-активизма) – Надежды Толоконниковой, Марии Ахехиной и Екатерины Самуцевич из Pussy Riot.

и должно быть найдено иное объяснение. Ведь акционизм – не вымысел, не «бред воспаленного воображения», а реальность современных художественных практик, «самая адекватная форма неклассического искусства» [22]. Специалисты убеждены, что «причастность к вечному, присущая большому искусству, реализуется в акционизме за счет близости акций к первобытным ритуально-магическим формам... на уровне бессознательных архетипических структур», вследствие чего сфера сексуального становится существенной частью искусства [39]. Неотъемлемым атрибутом акционизма становится феномен фиксации, «не важно какой – фото-кинодокументирование, интернет фиксирование или собственно объектная фиксация» [43]. Психопатология же со своим специфическим инструментарием и устоявшимися взглядами на норму и патологию, не учитывая архетипической сущности современного искусства и осознанного характера его представления обществу, неправомерно вторгается в недоступные ей сферы.

Свою лепту в дискредитацию психиатрии в общественном сознании вносит увлеченность многих психиатров патографией – исследованием жизни и творчества выдающихся личностей, ориентированным на поиск скрытых психопатологических мотивов их творчества. В теориях социального контроля патография рассматривается как инструмент медицинской стигматизации [46]. С развитием психиатрической профессии некоторые ее представители стали заявлять о психопатологичности любого современного искусства [1] и о том, что без их экспертизы в вопросе о творчестве обойтись нельзя. Существует даже точка зрения о том, что современное «искусство само по себе является психопатологией...», [поскольку] мир метафор искусства практически един с метафорами психиатрии» [43]. С точки зрения В.П. Самохвалова, современное искусство питается творчеством душевно больных («искусством аутсайдеров», «арт-брютом»). «По отношению к классическому новое искусство выглядит отчетливо регрессивно, – считает В.П. Самохвалов. – Творящий всегда воплощает в своих произведениях особенности своей личности, личную историю и анамнез, а также психопатологию» [43]. Специалистами, критикующими патографию за примитивизм и «профессиональный кретинизм», регистрируется иная закономерность – процесс психопатологического синдрообразования предстает как творческий акт, а не

наоборот [31]. То есть изысканность или обыденность клинической картины болезни, богатство или бедность содержания и формы психической патологии признаются производными не от заблуждения, а от творческих способностей пациента.

Обратим внимание на то, что в наши дни в России практически отсутствует критика, лежащей в основе патографии идеи – объяснять особенности творчества характером психической болезни [46]. В связи с этим В.В. Гаврилов [8] справедливо отмечает, что маргинальное творчество следует рассматривать как своеобразную парапсихопатологическую экспрессию – результат смешения переживаний на грани психического заболевания и нормы.

Частный случай художника-акциониста Петра Павленского заставляет всерьез обратиться к проблеме общего для психиатрии порядка – анализу причин распространенности парадигмы медиализации (психопатологизации) общественной жизни и творческой деятельности. В идеале психиатрии не следует вмешиваться ни в процессы политического активизма, ни в метаморфозы современного художественного творчества. Пересмотр существующей психиатрической парадигмы необходимо осуществить для того, чтобы избежать упреков в ангажированности и субъективизме, а также с целью утверждения психиатрии в качестве серьезной научной дисциплины. Анализ конкретного казуистического случая и предпринятые психиатрами попытки причислить его к кругу психиатрических, диктует необходимость привлечения внимания специалистов к выработке четких и убедительных критериев дифференциации поведенческих расстройств, девиаций поведения и творческих актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безносюк Е.В., Князева М.Л. Психопатология современной культуры // Психотерапия. 2003. №9. С. 21–28.
2. Беспалов В. Петр Павленский: из огня в огонь. <https://www.zaks.ru/pda/archive/view/146595>
3. Боязитова А.Н. Медиализация как социальный процесс: Дисс. ... канд. мед.наук. Волгоград, 2007. 159 с.
4. Брюханов А.В. Смена парадигмы в психиатрии: от неокантианства к метамодернизму // Таврический медико-биологический вестник. 2013. №1. Ч. 3. С. 57–61.
5. Буянова Д. Пётр Павленский: «Мои дети меня понимают» // Метро. 2014. <http://www.metronews.ru/novosti/pjotr-pavlenskij-moi-deti-menja-ponimajut/TponjD---vTFMrNG1Wah/>
6. Власова О. Антипсихиатрия. Социальная теория и социальная практика. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2014. 432 с.

7. Выгонский С. Психиатрический диагноз как феномен культуры // Медицина Юга России. 2001. №12 (73). С. 12.
8. Гаврилов В.В. Границы аутсайдер арт / В Сб. «Искусство аутсайдеров: путеводитель». Ярославль. 2005. <http://www.medpsy.ru/science/science049.php>
9. Гниренко Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства. Арт-азбука современного искусства. http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenkodiplom/city_266/fah_348/
10. Гожев К.М., Юрков С.Е. Понятие «метанормативное поведение и его границы // Известия Российского государственного педагогического университета. 2005. №10. С. 268–272.
11. Гусарова Ю. Петр Павленский: Тело человека гораздо прочнее, чем кажется // Интернет-издание «Сноб». 2013. <http://www.snob.ru/selected/entry/67704>
12. Дельфинов А. Теперь любой полицейский, который сфотографируется рядом с Павленским, войдет в историю искусства. <http://7x7-journal.ru/item/71529>
13. Денисова И. Революционный этюд. <http://www.svoboda.org/content/article/27380498.html>
14. Добродородный Д.Г., Черняк Ю.Г. Медикализация как социокультурный феномен и предмет междисциплинарного исследования // Философия и социальные науки. 2012. №1/2. С. 82–88.
15. Допрос Петра Павленского. Пьеса в трех действиях // Сноб. 2014. <https://snob.ru/selected/entry/77648>
16. Драгунский Д. Искусство – это «больно и противно» // Новая газета. 2013. <http://www.novayagazeta.ru/comments/60974.html>
17. Илюхин М. В чем художественная ценность акций Петра Павленского? <http://thequestion.ru/questions/52119/v-chyom-hudozhestvennaya-cennost-akcij-petra-pavlenskogo>
18. Кандаурова Н. Если двери поджигают – значит, это кому-нибудь нужно? // Экономические известия. 2015. <http://eizvestia.com/life/full/752-esli-dveri-podzhigayut-znachit-eto-komu-nibud-nuzhno>
19. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Номо Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: Изд. НГПУ. 2009. 248 с.
20. Левкович Е. Пётр Павленский: «Моя цель – побудить людей к действию». <http://juliawinston.eu/pavlenskiy/>
21. Лекс А. Миф, который сгорел. <http://tools.t30p.ru/?http%3a%2f%2falbert-lex.livejournal.com%2f85181.html>
22. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века [под ред. В.В. Бычкова]. М.: Российская политическая энциклопедия. 2003. 607 с.
23. Лехциер В.Л. Эффекты медикализации и апология патоса // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». 2006. №1 (4). С. 113–125.
24. Лимонов Э. Пособник врага. <http://limonov-eduard.livejournal.com/740944.html>
25. Лукина Е. «Петр Павленский – «искусство» без дна и крыши» // Политическая Россия. <http://politru.com/society/petr-pavlenskiy-605/>
26. Медведева Л.М. Номо medicus как возможный результат медикализации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. №1 (11). С. 210–214.
27. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ-10). Психические и поведенческие расстройства. СПб, 1994. 304 с.
28. Менделевич В.Д. Поведенческие расстройства или девиации поведения // Психиатрия и психофармакотерапия. 2000. т. 2. №6. С.166-168.
29. Менделевич В.Д. Психиатрическая пропедевтика. М.: МЕДпресс-информ. 2004. 528 с.
30. Менделевич В.Д. Психопатологизация наркологических расстройств как доминирующая парадигма отечественной наркологии // Независимый психиатрический журнал. 2010. №3. С. 21–27.
31. Менделевич В.Д. Психопатология как результат творчества // Практическая медицина. 2015. №5 (90). С. 39–41.
32. Менделевич В.Д. Проблема диагностики психических и поведенческих расстройств в эпоху постмодернизма // Экспериментальная психология. 2015. № 3. С. 82–90
33. Михантьева М. Сдать свою позицию – это гораздо хуже. <http://www.furfur.me/furfur/heros/heroes-furfur/214021-pp>
34. Михель Д.В. Медикализация как социальный феномен // Вестник СГТУ. 2011. №4 (60). Вып. 2. С. 256–263.
35. Нестеренко В. Кто такой Пётр Павленский, и почему его имя нужно знать каждому // Генплан. 2015. <http://genplanua.com/item/show/700>
36. Огонь, иди со мной. <https://www.youtube.com/watch?v=9ILnwWxJPs0>
37. Павленский болен уродством души. http://ruskline.ru/news_rl/2014/10/23/pavlenskij_bolen_urodstvom_dushi/
38. Петр Павленский о русском акционизме. М.: Ангедония. 2016. <http://www.theartnewspaper.ru/posts/2549/>
39. Попкова М.Д., Короленко Т.А. Акционизм в современном художественном пространстве. // В сборнике трудов конференции «XXI век – век дизайна». Екатеринбург, 2014. С. 126–132.
40. Преображенский Г. В чем художественная ценность акций Петра Павленского? <http://thequestion.ru/questions/52119/v-chyom-hudozhestvennaya-cennost-akcij-petra-pavlenskogo>
41. Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. М.: Территория будущего, 2007. 528 с.
42. Савенко Ю.С. Психиатризация массового сознания // Независимый психиатрический журнал. 1996. № 2. С. 55–70.
43. Самохвалов В.П., Кузнецов В.Е. Психиатрия и искусство. М.: Видар, 2015. 376 с.
44. Свиблова О. Что пропагандирует современное искусство: «культ порока» или свободу мысли? // Эхо Москвы. <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1488158-echo/>
45. Сергеева М.А. Арт-акционизм в России и Украине: социальная и политическая проблематика в художественном пространстве // Творчество как национальная стихия: опыт России и Украины. Сб. статей [под ред. Г.Е. Аляева, О.Д. Маслобоевой]. Санкт-Петербург, 2015. С. 194-202.
46. Сироткина И.Е. Патография как жанр: критическое исследование // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 2. http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php
47. Скиперских А.В. Тело как поверхность политического письма: опыты протестного дискурса в современной России // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 31–36.
48. Современное искусство как инструмент влияния на политику Российской Федерации. Аналитический доклад РИСИ. <http://riss.ru/analytucs/22761/>
49. Стадников М.Г., Щеглов А.А. Проблема исследования социально-психологических особенностей лиц,

совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления по идеологическим мотивам // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Shheglv.phtml>

50. Столяров Д. Правда ли, что художник Павленский – гений? <http://thequestion.ru/questions/52047/pravda-li-cto-hudozhnik-pavlenskij-genij>

51. Сухоруков В. «Милонов: Психиатры, которые отказываются признавать Павленского невменяемым, наверное, сами уже заразились». <https://nevnov.ru/28731-milovov-psixiatryi-kotoryie-otkazyivayutsya-priznavat-pavlenskogo-nevmenyaemyim-naverno-sami-uzhe-zara>

52. Художник Павленский: психопат-поджигатель или герой нашего времени? <http://nsn.fm/society/khudozhnik-pavlenskij-psikhopat-podzhigatel-ili-geroy-nashego-vremeni.php>

53. Циркин С.Ю. Ревизия психопатологических категорий // Независимый психиатрический журнал. 2008. №2. С. 9–14.

54. Bracken P., Thomas Ph. Postpsychiatry: a new direction for mental health // The British Medical Journal. 2001. Vol. 322. P. 724–727.

55. Conrad P., Schneider J.W. Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness. Philadelphia: Temple University Press, 1992. P. 263–265.

56. Moynihan R., Smith R. Too Much Medicine? // British Medical Journal. 2002. Vol. 324. P. 859–860.

57. Petho B. Recent crisis of psychiatry in the context of modern and postmodern science // Psychiatr Hung. 2008. Vol.3 (6). P. 396–419.

58. Whitley R. Postmodernity and mental health // Harv Rev Psychiatry. 2008. Vol. 16 (6). P. 352–364.

REFERENCES

1. Beznosyuk E.V., Knyazeva M.L. *Psihoterapiya*. 2003. №9. pp. 21–28. (in Russian)

2. Bespalov V. *Petr Pavlenskij: iz ognya v ogon'*. <https://www.zaks.ru/pda/archive/view/146595> (in Russian)

3. Boyazitova A.N. *PhD dissertation (Medicine)*. Volgograd, 2007. 159 p. (in Russian)

4. Bryuhanov A.V. *Tavrisheskij mediko-biologicheskij vestnik*. 2013. №1. Pt. 3. pp. 57–61. (in Russian)

5. Buyanova D. *Metro*. 2014. <http://www.metronews.ru/novosti/pjotr-pavlenskij-moi-deti-menja-ponimajut/TponjD---vTFMrNG1Wah/>(in Russian)

6. Vlasova O. *Antipsihiatriya. Social'naya teoriya i social'naya praktika*. Moscow: Vysshaya Shkola Ekonomiki (Gosudarstvennyj Universitet), 2014. 432 p. (in Russian)

7. Vygon'skij S. *Medicina YUga Rossii*. 2001. №12 (73). P.12. (in Russian)

8. Gavrilov V.V. In: *Iskusstvo ausajderov: putevoditel'*. YAroslav'. 2005. <http://www.medpsy.ru/science/science049.php> (in Russian)

9. Gnirenko Yu. *Performans kak yavlenie sovremennogo otechestvennogo iskusstva. Art-azbuka sovremennogo iskusstva*. http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenko-diplom/city_266/fah_348/ (in Russian)

10. Gozhev K.M., Yurkov S.E. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2005. №10. pp. 268–272. (in Russian)

11. Gusarova Yu. *Internet-izdanie «Snob»*. 2013. <http://www.snob.ru/selected/entry/67704> (in Russian)

12. Del'finov A. Teper' lyuboj policejskij, kotoryj sfotografiruetsya ryadom s Pavlenskim, vojdet v istoriyu iskusstva. <http://7x7-journal.ru/item/71529> (in Russian)

13. Denisova I. *Revolucionnyj ehtyud*. <http://www.svoboda.org/content/article/27380498.html> (in Russian)

14. Dobrorodnij D.G., Chernyak Yu.G. *Filosofiya i social'nye nauki*. 2012. №1/2. pp. 82–88. (in Russian)

15. Dopros Petra Pavlenskogo. P'esa v trekh dejstviah. *Snob*. 2014. <https://snob.ru/selected/entry/77648> (in Russian)

16. Dragun'skij D. *Novaya gazeta*. 2013. <http://www.novayagazeta.ru/comments/60974.html> (in Russian)

17. Ilyuhin M. *V chem hudozhestvennaya cennost' akcij Petra Pavlenskogo?* <http://thequestion.ru/questions/52119/v-chyom-hudozhestvennaya-cennost-akcij-petra-pavlenskogo> (in Russian)

18. Kandaurova N. *Ehkonomicheskie izvestiya*. 2015. <http://eizvestia.com/life/full/752-esli-dveri-podzhigayut-znachiteto-komu-nibud-nuzhno> (in Russian)

19. Korolenko C.P., Dmitrieva N.V. *Nomo Postmodernus. Psihologicheskie i psihicheskie narusheniya v postmodernistkom mire*. Novosibirsk: Izd. NGPU. 2009. 248 p. (in Russian)

20. Levkovich E. *Pyotr Pavlenskij: «Moya cel' – pobudit' lyudej k dejstviyu»*. <http://juliawinston.eu/pavlenskij/> (in Russian)

21. Leks A. *Mif, kotoryj sgorel*. <http://tools.t30p.ru/?http%3a%2f%62falbert-lex.livejournal.com%2f85181.html> (in Russian)

22. *Leksikon nonklassiki. Hudozhestvenno-ehsteticheskaya kul'tura XX veka* [ed. V.V. Bychkov]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya. 2003. 607 p. (in Russian)

23. Lekhcier V.L. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*. Vypusk «Filosofiya. Filologiya». 2006. №1 (4). pp. 113–125. (in Russian)

24. Limonov E.H. *Posobnik vraga*. <http://limonov-eduard.livejournal.com/740944.html> (in Russian)

25. Lukina E. *Politicheskaya Rossiya*. <http://politruussia.com/society/petr-pavlenskij-605/> (in Russian)

26. Medvedeva L.M. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2012. №1 (11). pp. 210–214. (in Russian)

27. *Mezhdunarodnaya statisticheskaya klassifikaciya boleznej i problem, svyazannyh so zdorov'em (MKB-10). Psihicheskie i povedencheskie rasstrojstva*. St.Petersburg, 1994. 304 p. (in Russian)

28. *Psihiatriya i psihofarmakoterapiya*. 2000. Vol. 2. №6. pp.166–168. (in Russian)

29. Mendelevich V.D. *Psihiatricheskaya propedevtika*. Moscow: MEDpress-inform. 2004. 528 p. (in Russian)

30. Mendelevich V.D. *Nezavisimyj psihiatricheskij zhurnal*. 2010. №3. pp. 21–27. (in Russian)

31. Mendelevich V.D. *Prakticheskaya medicina*. 2015. №5 (90). pp. 39–41. (in Russian)

32. Mendelevich V.D. *Eksperimental'naya psihologiya*. 2015. № 3. pp. 82–90. (in Russian)

33. Mihant'eva M. *Sdat' svoyu poziciyu – ehto gorazdo huzhe*. <http://www.furfur.me/furfur/heros/heroefurfur/214021-pp> (in Russian)

34. Mihel' D.V. *Vestnik SGTU*. 2011. №4 (60). Vypusk 2. pp. 256–263. (in Russian)

35. Nesterenko V. *Genplan*. 2015. <http://genplanua.com/item/show/700>(in Russian)

36. *Ogon', idi so mnoj*. <https://www.youtube.com/watch?v=9ILnwWxJPs0> (in Russian)

37. Pavlenskij bolen urodstvom dushi. http://ruskline.ru/news_rl/2014/10/23/pavlenskij_bolen_urodstvom_dushi/ (in Russian)

38. Petr Pavlenskij o rusском akcionizme. Moscow: Anhedoniya. 2016. <http://www.theartnewspaper.ru/posts/2549/> (in Russian)
39. Popkova M.D., Korolenko T.A. In: *XXI vek – vek dizajna. Proceedings of the Conference*. Ekaterinburg. 2014. pp. 126–132. (in Russian)
40. Preobrazhenskij G. *V chem hudozhestvennaya cennost' akcij Petra Pavlenskogo?* <http://thequestion.ru/questions/52119/v-chyom-hudozhestvennaya-cennost-akcij-petra-pavlenskogo> (in Russian)
41. Rudnev V. *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya: Izbrannye raboty*. Moscow.: Territoriya budushchego, 2007. 528 p. (in Russian)
42. Savenko YU.S. *Nezavisimyj psihiatricheskij zhurnal*. 1996. № 2. pp. 55–70. (in Russian)
43. Samohvalov V.P., Kuznecov V.E. *Psihiatriya i iskusstvo*. Moscow: Vidar, 2015. 376 p. (in Russian)
44. Sviblova O. *Ehkho Moskvyy*. <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1488158-echo/> (in Russian)
45. Sergeeva M.A. In: *Tvorchestvo kak nacional'naya stihiya: opyt Rossii i Ukrainy*. [G.E. Alyaev, O.D. Masloboeva ed.]. St.Peterburg, 2015. pp. 194–202. (in Russian)
46. Sirotkina I.E. *Medicinskaya psihologiya v Rossii: ehlektron. nauch. zhurn*. 2011. №2. http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php (in Russian)
47. Skiperskih A.V. *Diskurs-Pi*. 2015. № 1 (18). p. 31–36. (in Russian)
48. *Sovremennoe iskusstvo kak instrument vliyaniya na politiku Rossijskoj Federacii. Analiticheskij doklad RISI*. <http://riss.ru/analytics/22761/> (in Russian)
49. Stadnikov M.G., Shcheglov A.A. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*. 2014. №1. <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Shcheglov.phtml> (in Russian)
50. Stolyarov D. *Pravda li, chto hudozhnik Pavlenskij – genij?* <http://thequestion.ru/questions/52047/pravda-li-chto-hudozhnik-pavlenskij-genij> (in Russian)
51. Suhorukov V. *Milonov: Psihiatry, kotorye otkazyvayutsya priznavat' Pavlenskogo nevmenyaemym, naverno, sami uzhe zarazilis'*. <https://nevnov.ru/28731-milonov-psihiatryi-kotoryie-otkazyivayutsya-priznavat-pavlenskogo-nevmenyaemyim-naverno-sami-uzhe-zara> (in Russian)
52. *Hudozhnik Pavlenskij: psihopat-podzhigatel' ili geroj nashego vremeni?* <http://nsn.fm/society/khudozhnik-pavlenskij-psihopat-podzhigatel-ili-geroy-nashego-vremeni.php> (in Russian)
53. Cirkin S.Yu. *Nezavisimyj psihiatricheskij zhurnal*. 2008. №2. pp. 9–14. (in Russian)
54. Bracken P., Thomas Ph. Postpsychiatry: a new direction for mental health. *The British Medical Journal*. 2001. Vol. 322. pp. 724–727.
55. Conrad P., Schneider J.W. *Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness*. Philadelphia: Temple University Press, 1992. P. 263–265.
56. Moynihan R., Smith R. Too Much Medicine? *British Medical Journal*. 2002. Vol. 324. pp. 859–860.
57. Petho B. Recent crisis of psychiatry in the context of modern and postmodern science *Psychiatr Hung*. 2008. Vol. 3 (6). pp. 396–419.
58. Whitley R. Postmodernity and mental health. *Harv Rev Psychiatry*. 2008. Vol. 16 (6). pp. 352–364.

Поступила 07.02.16.